

Моя работа над образом Ленина

Н. Н. ЖУКОВ

Как известно, Н. К. Крупская, сравнивая игру артиста Щукина с игрой артиста Штрауха, отдала предпочтение игре Штрауха. На мой взгляд, это вполне объяснимо. Дело в том, что в первой своей работе над ролью Ленина в фильме «Ленин в Октябре» Щукин добился отличного портретного сходства. Он был похож до мельчайших деталей, его лицо не боялись давать крупным планом, но зато игра его была скованна, несколько статична. Сделав акцент на портретном сходстве, артист не смог обрести свободу игры на протяжении всего фильма.

Штраух в фильме «Человек с ружьем» решил роль иначе. Он избегал портретных кадров, а все время был в среде событий, многофигурных композиций экрана, и зритель следил за развитием действия в картине по движению всей фигуры артиста.

Штрауху удалось найти верный и выразительный ленинский силуэт, и это дало артисту возможность играть более свободно. В фильме «Ленин в 1918 году» Щукин учел недостатки своей первой работы и сумел создать превосходный, незабываемый образ вождя, динамичный и выразительный.

Изучая документальную киноленту, фотодокументы, наблюдая игру актеров в роли Ленина, я находил и нахожу много ценного.

Иногда бывает, что физические данные актера превосходны: хорош грим, костюм, правдив тембр голоса и манера говорить и прочие, а действия и поступки не ленинские. Например, в пьесе «Кремлевские куранты» актер, исполняющий роль Ленина, идет по Александровскому саду, видит свободную скамью и садится на самую ее середину — это не верно. Даже несмотря на то, что скамья свободна, характернее для Ленина было бы сесть с краю. Довольствоваться малым Ленин приучил себя еще в ссылке, в эмиграции, в годы подполья.

Знакомясь с фактами ленинской жизни, легче и точнее представляешь внутренний мир Ленина, его психологическое состояние, а это особенно важно в работе художника. Существенную помощь в этом оказал мне Г. М. Кржижановский, который знал Ленина с юношеских лет. Моя встреча с ним состоялась 22 февраля 1958 года. Утро этого дня было на редкость солнечным. Я шел к Глебу Максимилиановичу, обаятый каким-то особым чувством хорошего. Годы два назад, увидев мои рисунки Ленина, напечатанные в журнале «Огонек», он выразил весьма лестное о них мнение и пообещал встретиться со мной, но из-за внезапной болезни свидание было отложено.

И вот теперь я с нетерпением ждал этой встречи, которая могла дать много живых впечатлений для работы над образом В. И. Ленина.

Глеб Максимилианович встретил меня ласково. Внешность Кржижановского была такова, что в продолжении двух часов моего пребывания я испытывал страстное желание рисовать его самого.

Сухоощае, очень подвижное, пергаментного цвета лицо, с глазами, впитавшими в себя жизнь века, поразило меня своей мудростью. Глаза его были настолько выразительны, что они поглотили все. После, часто возвращаясь к его портрету, я пытаюсь вспомнить очертание рта, ушей, подбородка, но так и не мог этого сделать — одни только глаза прочно вошли в мою память.

Кабинет, где мы сидели, был типичен для старого ученого. Большой рабочий стол, деревянный, с полированным верхом. На нем лежали высокие стопы книг. С левой стороны стоял старый кожаный диван, покрытый клетчатым пледом. Возле него стояла вертушка с книгами, такой же конструкции, как в кабинете у Ленина. Стены были закрыты полками книг, и среди них в разных местах стояли фотографии. Всюду было много небольших вещей, которые, видимо, имели свою примечательную историю.

«А вы еще совсем молодой человек! Можно сказать, внук мне», — проговорил Г. М. Кржижановский, усаживая меня за стол, и, значительно постукав пальцем, добавил: — А знаете, здесь бывал Ленин». И все как бы сразу стало еще значительней.

Я высказал Глебу Максимилиановичу цель своего прихода. Он взял мою папку с рисунками и медленно начал переключать листы. Я буквально впился в него, следя за выражением лица и ловя первые его впе-

чатления. Посмотрев шесть-семь листов, Кржижановский отложил их и, взглянув на меня, сказал: «Когда художники или актеры показывают мне Ленина вот таким, с засунутыми за жилетку пальцами, — Кржижановский изобразил этот жест, — то я не верю в успех дела. Это чтецы-декламаторы, которые запомнили один очень распространенный и часто повторяющийся прием внешней похоти и злоупотребляют им... Вот артист Плотников, слышали? Разгадал тайну Ленина. Он просто в разговоре, как бы сам не замечая, ткнет палец вот так в карман жилета или пиджака, и я вижу — передо мной живой Ленин. Из всех актеров, которых я видел, — продолжал Кржижановский, — Плотников наиболее близок к истине. В пьесе «Человек с ружьем» я его без слез смотреть не мог — стоит передо мной Ленин, и даже страшно как-то становится. И голос у него, знаете, очень верный... Ведь иные, узнав, что Ленин грассировал, нажимают на это и переигрывают. А Плотников — нет, у него все в меру, все верно. Вот посмотрите! — Кржижановский поднялся со стула, достал с полки фотографию Плотникова в роли Ленина и дал ее мне. Действительно, даже по внешнему сходству это был отличный портрет. — Сейчас, — продолжал Глеб Максимилианович, — многие, к сожалению, берутся изображать Ленина, не имея для этого достаточного понимания.

Из шестидесяти рисунков, показанных мною Г. М. Кржижановскому, 51 рисунок не встретил с его стороны замечаний, а остальные были им отложены, как спорные, о которых он имел, по его выражению, субъективное мнение.

Когда я вышел на улицу, солнце слепило глаза, повсюду смотрели на меня наши московские новостройки, и я вспомнил о плане ГОЭЛРО, подумал об огнях Игарки, о Волгоградской и Куйбышевской ГЭС и о первой «лампочке Ильича», которая за-

малычик в отцовском пиджаке и с радостью «сотворял чудо». В этот час я понял главное об энергии света, который шел с поразительной силой все эти годы по нашей земле. Этим светом для всех нас был Ленин!

После встречи с Глебом Максимилиановичем мне удалось решить много новых ленинских тем. Вот, например, рисунок «Рассказ о буденновцах». Кржижановский рассказал мне о смелой мысли Ленина пересадить русского крестьянина с лошади на стального коня — на трактор. И я изобразил Ленина и деревенского мальчугана, который, рассматривая нипрущенного коня, лежащего на ладони Ленина, легко представляет себе по увлекательным словам рассказчика и Чапаева, и Буденного. И сам, надев отцовский красноармейский шлем, мечтает стать таким же смелым и отважным, как они. А Владимир Ильич, рассказывая об этом мальчугу, думает о тех стальных конях — о тракторах, которые сейчас, в наше время, возделывают землю, преобразуют советскую деревню.

Тема «Ленин и Армия» глубоко занимает мысль создателей произведения в разных жанрах искусства и литературы. Мне, как военному художнику, эта тема особенно интересна. Ей я посвятил ряд композиций: «Спасибо матросам!», «Личный пример», «Вести с фронта», «Рассказ о буденновцах», «На Красной площади» и другие. Есть темы, которые пока что в проекте, над ними я думаю и стараюсь найти их наиболее выразительные решения. Хочется выразить особую ленинскую нежность и ласковость его к солдату Революции. Все помнят волнующий момент в кинокартине «Ленин в Октябре», когда Ильич подходит к лежащему солдату, что-то хочет ему сказать, но, увидев, что тот спит, на цыпочках тихонько отходит, чтобы не потревожить солдата, не отнять у него свя-

Я твердо убежден, что лишь то художественное произведение значительно, которое рождается в результате глубокого самостоятельного творческого процесса. Иногда изображают Ильича с фотографии, меняя лишь фотографическую фактуру на графическую. Думаю, что художник в этом случае занимается только фальсификацией документа и художественного произведения. Фотография — документ, это основа в работе художника, его справочник, мерило истины, но подлинный смысл работы художника обретает лишь тогда, когда, опираясь на весь имеющийся у него иконографический материал, он сумеет решить самостоятельную творческую задачу. Заслуга художника будет тем большей, чем ярче возникнет перед зрителем ленинский образ, созданный энергией его таланта, очищенный от всего случайного.

Я вспоминаю мнение, высказанное Вайном Кутурье, что Ленин ни на один свой портрет не похож, что подлинный он только в кино. (Имеются в виду документальные кадры). Действительно, несмотря на объективность фотоаппарата, не все фотографии полно и точно передают ленинский характер. Я не говорю уже о том, что на фотографии неизмеримо труднее добиться такой же максимальной выразительности движения, как в кино.

В творчестве художника также есть много особенностей, которые трудно преодолеть. Например, зрители легко различают посвященные образу Ленина произведения Бродского, Герасимова, Серова, Кибрика или Васильева, и не потому, что зритель знаком с техническими приемами искусства каждого мастера, а потому, что каждый художник отображает свое восприятие ленинского образа.

Когда читаешь воспоминания родных, близких, друзей и соратников Ленина, то прежде всего представляешь себе его необычайно глубокий и обаятельный человеческий образ. Согревается сердце от той душевности и благородства, которыми так обильно была наполнена жизнь Ленина.

Поражаешься удивительной ленинской простоте, ясности ума, нравственной чистоте и цельности его натуры. Отражение именно вот этих ленинских свойств, дающих каждому из нас как бы личный пример житейской мудрости, — одна из благороднейших целей нашего искусства. Для меня эти черты всегда особенно понятны и дороги. Вот почему они легли в основу всех решаемых мною тем. Равнение на примеры ленинской жизни постепенно станет правилом в поведении каждого советского человека.

Необычайное умение Ленина и в малом увидеть большое всегда удивляло тех, кто знал его. Бесконечно

интересно для художника находить такие решения, посредством которых можно было бы выразить эту черту ленинского характера.

Участник III съезда комсомола известный поэт А. А. Жаров передает следующий эпизод. Когда Ленин кончил речь, ему в числе других был задан вопрос:

«Товарищ Ленин! Скажите, а почему в деревне нет колесной мази?»

В зале многие засмеялись, найдя вопрос наивным и неуместным. А Владимир Ильич сказал, что это очень важный вопрос, который имеет прямое отношение к разговору о том, каким должен быть коммунист. Коммунист должен уметь ответить на вопрос об отсутствии на селе колесной мази, гвоздей, керосина, спичек. Мало того! Коммунист обязан так или иначе помочь в налаживании нашего производства, в том числе и производства колесной мази. Владея теорией, не отрывайся от жизни, от нужд народа. Вот каким должен быть коммунист!

Участники III съезда комсомола рассказывают, как В. И. Ленин, сидя за столом президиума, рисовал на память подписи на репродукциях, которые я им подарил. И все подходы — Лены, Тани, Нади, Сережи, Алеши, Юры, — все просили меня: напишите нашему классу — пятому «В» или восьмому «Б», напишите нашему отряду, нашему звену и т. д. Никто из ребят не сказал: «Напишите мне».

Все знают, в речи на съезде Ленин поставил перед молодежью, как основную задачу времени, учиться, учиться и учиться!

Я вспомнил этот эпизод, когда недавно был в одной школе и меня обступила детвора с просьбой оставить на память подписи на репродукциях, которые я им подарил. И все подходы — Лены, Тани, Нади, Сережи, Алеши, Юры, — все просили меня: напишите нашему классу — пятому «В» или восьмому «Б», напишите нашему отряду, нашему звену и т. д. Никто из ребят не сказал: «Напишите мне».

Как радостно сознавать, что для нашего юного поколения интересы коллектива кажутся само собой разумеющимися. С каждым днем мы чувствуем присутствие Ленина в нашей текущей жизни все сильнее и сильнее. Имя его стало компасом жизни. Мы измеряем свое движение на пути к коммунизму видением Ленина, его мыслями и заветами. Ленин живет в сердце каждого из нас, и поэтому, изображая Ленина, я получаю сотни живых откликов от самых разных людей о моей работе. Это и дает ощущение большого счастья.

Более четверти века работаю над образом Ленина, но, мне кажется, что я только начинаю постигать то, к чему стремился все эти долгие годы. Сейчас я работаю над композиционными темами, где стараюсь показать Ленина вместе с народом в событиях революции. И чем ближе я нахожусь к правде своих поисков, тем больше хочется работать и тем огромнее кажутся предстоящие творческие усилия. Я как бы нахожусь все еще только у подножия высокой горы.

Самостоятельно решить образ великого Ленина, решить так, чтобы твое представление совпало с оценкой и представлением зрителя, народа, это и будет самое нужное — найденная правда жизни. Искать ее и есть та цель, приближаясь к которой, все мы, художники, получаем великую радость.

жглась, как чудо, в деревне Кашино в 1920 году. Я живо представил себе наших крестьян, завороченно смотрящих первый раз в жизни на электрический свет, озаряющий их лица. Как бы в ответ на это глаза их излучали надежду и веру в будущую жизнь, а у электрического выключателя стоял

тых минут отдыха, так необходимых для пополнения сил. Вот и мне, как художнику, также хочется найти в языке своего искусства то, что наиболее глубоко и проникновенно могло бы выразить высокую человечность Ленина, его заботу о Красной Армии, любовь к советскому воину.